

ПРОВИНЦИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Четвертый раз в Могилеве проводится научная конференция, посвященная истории и современному бытию нашего города. Интерес к ней велик, о чем свидетельствует и представительность, и география участников. Однако некоторые современные ученые рассматривают в самом факте роста интереса к краеведению в эпоху глобализации проявление провинциальной ментальной установки, имеющей свое начало еще в средневековом типе мышления, когда восприятие мира сводилось к миру сельскохозяйственной общины, а близлежащий город был чуть ли не представлением о конце света (не в эсхатологическом, а пространственном смысле). Можно, конечно, мило улыбнуться, не рассматривая подобные утверждения всерьез, но все же сам факт их бытования актуализирует необходимость философского и культурологического анализа таких феноменов как провинция и провинциализм.

Возможно, обращение к заявленной теме в эпоху интенсивного развития компьютерных технологий, виртуализации мышления, научной жизни и межличностной коммуникации, ведущих к стиранию границ, разрушению структуры «центр–периферия», может показаться странным. Но реалии современной жизни, а также обзор научных публикаций, в том числе и онлайн-овских (отражающих круг проблем, актуализированных современной гуманитарной мыслью), показывают, что тема провинции как социокультурного феномена волнует ученых-гуманитариев постсоветского пространства не менее, нежели проблемы экстремизма, политики, экономики. Более того, все эти проблемы фокусируются вокруг интерпретации проблем провинции, так или иначе связаны с ней.

Обратимся, прежде всего, к тем определениям понятия провинции, которое закрепилось в современной науке.

Если следовать этимологии, само это слово способно выявить такие первоначальные словообразовательные значения, которые помогают современному пониманию многоликого феномена провинции. Лат. *provincia* (pro – вперед, vincere – победы давать). Рим-корень держал связь берега-государства, давшего победы, которые жили своей

жизнью, бурно развивались или бедствовали, но не теряли связей с истоком силы, власти, обретений и потерь. В политической, правовой и административной практике европейской цивилизации древний языковой образ приземлился и конкретизировался, обретая в отдельные времена в отдельных странах статус повседневной реальности, воплощенной в границах, властных структурах, особом образе жизни и ее восприятии. [2, 16-20]

Если рассмотреть понятие «провинция» в контексте философских парадигм, то мы можем утверждать, что такой образ провинции характерен для классического типа философии, сформировавшейся в Новое время. Ее символом стал образ дерева, точнее, образ древесной корневой системы, где выделяется главный корень и боковые ответвления. Этот новоевропейский тип мышления, где в качестве главного стержня провозглашен принцип рациональности, имел четкую иерархическую структуру, и отношения «центр-периферия» были характерны как для философского мышления, так и для социального устройства. Провинция в такой философии интерпретировалась глазами столицы, которая рассматривала провинциальное пространство как некий хаос. Из него усилиями столичного разума может родиться порядок. Все передовое фокусируется в столицах, провинция — символ отсталости и неразумности. Отсюда — стремление творческих людей, молодых людей в столицу. В рамках классицистской парадигмы провинция испытывает комплекс неполноценности по отношению к столице, и стремится к подражанию, выработанным в ней социальным и интеллектуальным стандартам. К этому нужно добавить, что образ столицы мифологизируется, и социальные мифы становятся органичной частью восприятия столицы провинциалом. Мифологемы провинциального мышления были, на наш взгляд, замечательно проанализированы самарским исследователем А.М. Карпеевым [5]. Обратимся к некоторым из них:

Олимпийство.

Есть место, где все подлинное. Встреча и пребывание с вещами, людьми и т.д., максимально утвержденными в бытии. В провинциальном «сейчас» есть только намеки на настоящих писателей, ученых, автомобили и пр. Подлинники — «там». Увидеть их — стремление бескорыстное, как платоновский Эрос. Но культ столицы здесь — культ в самом языческом смысле, он не единственный. Подлинники, только иные, есть и в иных местах: культ провинции уравнивает культ столицы.

Дионисийство.

Есть место, где я не определен — не ограничен. Его мифологическая яркость, не имеющая «своего» ответственного стиля (столица как заведомо весь мир) избавляет меня от определенности (в спонтанной смене масок). Ничего не надо, кроме попадания в ритм. Почти неизбежен мотив сексуального распыления. Из России так часто интерпретируется Америка (миф плавилиного котла), но не Европа. Другой пример — «едем в Москву «оторваться».

Тотемы.

Есть место, где живет мой патрон. Отсюда он «ведет» меня в моей жизни, и приезд в столицу – приезд «на поклон». Патрон-герой не обязательно должен быть политическим – он может быть, скажем, культурным. Феномен «университетского центра» связан с этим. Германия, скажем, была провинциальна, но Шеллинг (или, скажем, Гете) задает столичность. Аналогичны тотемам фетиши («свет кремлевских звезд»). Это именно для меня (или для моей конкретной общности) покровитель и ориентир, выделенный среди других отнесенностью ко мне.

Империя.

Есть место, куда я должен вернуться как в конкретное место. Оно, как и провинция, место жестких ролей, но я хочу принять именно здепшнюю роль. Это место для меня более подлинно, чем родное, и это не органическая, а культурная связь. Идеальный образ, вероятно – Рим как Город Римской империи. Вообще, если «Город» пишется с большой буквы (в России это не Москва, а Петербург), то, скорее всего, речь идет об имперской столице, как насильно приобщающей к единой культуре, более высокой, чем провинциально-органическая.

Все перечисленные выше особенности восприятия провинции характерны для классической философской парадигмы. В постмодернистской философской парадигме, основанной на принципе ризомы, понятия провинции, на первый взгляд, теоретически нивелируется.

Ризома – термин, введенный Ж. Делезом и П. Гваттари, взятый из биологии. Он означает мочковатую корневую систему (как, например, у фиалки или клубники), где не выделяется главного корня и периферийных ответвлений. Каждый корешок мочковатой системы самостоек и равноправен. «Мир потерял свой стержень» – так заключают Делез и Гваттари [1, 11]. А в таком контексте принцип множественности можно противопоставить дихотомии «центра» и «периферии». Наиболее ярким примером ризоматичной культуры представляется культура Америки, где смешаны все направления, перемешан Восток и Запад, где «даже деревья образуют ризому» [1, 25].

Казалось бы, устранение древовидных принципов, на которых основывалась классическая философия и культура, должно было бы привести к исчезновению самого понятия провинции как социокультурного феномена, но реалии современной жизни показывают, что феномен этот весьма живуч, как, впрочем, сильны в сознании и принципы классического мышления.

Если суммировать существующие в науке подходы к анализу провинции как особого социокультурного феномена, то можно выделить следующее:

1. Понятия провинциальность и провинциализм не рассматриваются как тождественные. Провинциальность – это понятие географическое. Оно аксиологически нейтрально: провинция ни плоха, ни хороша – она просто есть. Провинциализм, в отличие от провинциаль-

ности, – это особый строй бытия, в основе которого лежит «провинциальная ментальность».

2. Констатируя существование провинциализма как социокультурного феномена современности, ученые по-разному подходят к его оценке. Небольшая группа его защитников считает, что провинциализм есть способ противостояния глобализации, защита уникальности конкретных и неповторимых форм бытия каждой культуры. В таком контексте провинциализм – не значит отсталость, забитость, узость мышления. В доказательство сего тезиса приводятся факты из жизни знаменитых деятелей культуры. Провинциалами были многие философы, писатели, поэты (Мишель Монтень, Пушкин, написавший лучшее произведение, удалившись от света, Виктор Астафьев, Лев Толстой и др.) В таком понимании провинциализм видится как особенное состояние души, как завидная способность сохранить себя вне стандартизации и формализации современного мира. Провинциализм в этой интерпретации подобен детству, пусть наивному, но чистому, незамутненному взгляду на мир.

3. Противоположная тенденция оценки провинциализма безжалостна к нему в своей критике. Провинциальная ментальность предстает как символ узости и недалекости мышления, с характерными для него фобиями, одной из которых является агорафобия, то есть боязнь открытых пространств, бессознательное стремление закрыть все двери, забиться в свой угол. Отличают ее самодовольство (всякий невротик убежден в своей нормальности) и склонность без усталости рассуждать на свежую тему о том, что в столицах гибнет культура, а истинная духовность скрывается в провинции. Этими речами заглушается подлинный мотив – страх: не видеть, не слышать, не знать, что происходит в большом мире. Провинциализм в таком свете выступает как идеология самодовольной самоизоляции. В замкнутом пространстве искажаются масштабы, укореняется привычка все мерить местным аршином, своя местечковая иерархия.

Таким образом, провинциализм – понятие не географическое, а культурологическое. Оно характеризует не место проживания человека, а степень его укорененности в национальной и мировой культуре. Главное, что отличает провинциала, – внутренняя зависимость от авторитетов, неспособность к самостоятельному мышлению и самостоятельной оценке фактов, событий, явлений действительности.

В такой трактовке по-иному звучит тезис о провинциализме как детском типе мышления. Из чистого незамутненного взгляда на мир, провинциальное сознание превращается в сознание инфантильное, сознание человека, который приобрел известную осведомленность по тем или иным вопросам, но не смог или не захотел довести эту осведомленность до уровня свободного владения предметом. Провинциал страдает от неуверенности в своих силах и компенсирует эту неуверенность апелляцией к неким высшим, непогрешимым инстанциям. Провинциальное сознание – сознание неуверенное, несамостоятель-

ное, ограниченное в своей способности постигать и оценивать действительность, в чем состоит его ущербность. Этим объясняется тот факт, что провинциал, в принципе, не обладает способностью к продуцированию таких феноменов культуры, которые не были бы отмечены печатью вторичности. Таковы, в общих чертах, негативные особенности провинциальной ментальности.

На основе провинциальной ментальности формируется провинциальная культура. При этом ученые разводят термины «провинциальная культура» и «культура провинции». Культура провинции – это констатация места функционирования, фактического расположения интересующего явления. Здесь на первый план выходит политико-административный, географический акцент, недооценки содержания культурных процессов. Понятие провинциальная культура, кроме констатации специфики пространства функционирования, несет в себе и аксиологический момент, примеривание к определенной шкале ценностей [2; 3; 4].

Особенностью провинциальной культуры является ее подражательность, отсутствие ясных внутренних ориентиров. Подлинная культура опирается в своем саморазвитии на вполне определенные принципы, даже если они существуют в смутном, неосознаваемом виде, и следует определенным канонам и ограничениям, вытекающим из этих принципов. Провинциальная культура, будучи явлением подражательным, не постигает внутреннюю логику этих ограничений и поэтому тяготеет к эклектике. Многие российские ученые, анализируя периодические издания, выходящие в регионах, программы телевидения и пр., приходят к выводу о вторичности таких культурных образцов, заимствованию, принимающему, порой, неэстетичные формы. К сожалению, анализ функционирования культурных институтов Могилева, местных СМИ, может привести к таким же выводам. Например, попытки создать ток-шоу на местном TV, или известное реалити-шоу «Худеем со смыслом», в котором видны заимствования из «Последнего героя», наводят на мысль о подобной подражательности и отсутствии самостоятельного мышления.

Если следовать такой логике анализа, то можно сделать вывод о том, что классическая парадигма как принцип мышления и бытия не канула в Лету. Само явление провинциализма может возникнуть только в условиях дифференциации культурного пространства на «Центр» и «периферию». Выделение какого-то одного города в качестве культурного центра означает становление остальной части страны как периферии. И даже если у индивида есть творческие задатки, развиваться они могут лишь в определенной среде, какой вряд ли может быть среда провинции. Это объясняет стремление молодежи в столицу. Но при этом провинциализм – характеристика мышления не только жителей периферии. Если рассматривать провинциализм как установку сознания, то он присущ в не меньшей мере и европейцу, и американцу. Как установка сознания провинциализм – это, прежде всего, нежелание

воспринимать другое. Обычно он выступает синонимом наивно самоуверенной и счастливой цельности, не обремененной знанием других и вытекающими отсюда сомнениями в собственной правоте. Обвиняя во всем этом традиционные культуры, Запад сам становится оплотом провинциализма.

В данной статье намечены лишь подходы к анализу проблемы современного провинциализма. Может ли всеобщая информатизация и виртуализация сфер интеллектуальной и обыденной жизни изменить состояние дел? Наверное, это утопия. Не потому что технический прогресс добирается до периферии медленнее, нежели до центра. Вопрос в ином – в качественном состоянии сознания. Можно ли редуцировать провинциальную ментальность к узости горизонтов и отсталости? Соблазн велик. Но провинциализм, как мы видим, явление гораздо более емкое, сложное и неоднозначное. И исчезновение его из пространства культуры, возможно, будет подобно результатам мелиорации. Не нарушит ли это исчезновение культурного гомеостаза? Это все лишь вопросы. Пока же для автора этой статьи ясно одно: хотелось бы, живя в провинции, не быть провинциалкой в сфере сознания, не являться носителем провинциальной ментальности в ее крайне негативных формах, описанных современными учеными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома / Сокр. перевод А. Усмановой // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. – Мн.: Красико-принт, 1996. – С. 6–31.
2. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. – Пенза, 2004.
3. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. – М., 2001.
4. Каганский В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта// <http://www.inme.ru/previous/Kagansky/4z97-ww.html>
5. Провинция о провинциальном // XX век и мир 1994. № 3–4. – <http://www.russ.ru/antolog/vek/1994/3-4/provin.htm#top>